

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 96. «Я призван к жизни кровью всех
рождений»

Выпуск № 93

Марина Цветаева

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, –
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
– И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох!

О летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы – если б знали –

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, –
Сколько тёмной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

1913

Анна Ахматова

Тяжела ты, любовная память!
Мне в дыму твоём петь и гореть,
А другим – это только пламя,
Чтоб остывшую душу греть.

Чтобы греть пресыщённое тело,
Им надобны слёзы мои...

Для того ль я, Господи, пела,
Для того ль причастилась любви!

Дай мне выпить такой отравы,
Чтобы сделалась я немой,
И мою бесславную славу
Осиянным забвением смой.

1914

Выпуск № 859

Евгений Баратынский

Благословен святое возвестивший!
Но в глубине разврата не погиб
Какой-нибудь неправедный изгиб
Сердец людских пред нами обнаживший.
Две области: сияния и тьмы
Исследовать равно стремимся мы.
Плод яблони со дерева упадет:
Закон небес постигнул человек!
Так в дикий смысл порока посвящает
Нас иногда один его намёк.

1839

Александр Блок

Валерию Брюсову

(При получении "Зеркала теней")

И вновь, и вновь твой дух таинственный
В глухой ночи, в ночи пустой
Велит к твоей мечте единственной
Прильнуть и пить напиток твой.

Вновь причастись души неистойой,
И яд, и боль, и сладость пей,
И тихо книгу перелистывай,
Впиваясь в зеркало теней...

Пусть, несказанной мукой мучая,
Здесь бьётся страсть, змеится грусть,
Восторженная буря случая
Сулит конец, убийство – пусть!

Что жизнь пытала, жгла, коверкала,
Здесь стало лёгкою мечтой,
И поле траурного зеркала
Прозрачной стынет красотой...

А красотой без слов повелено:
"Гори, гори. Живи, живи.
Пускай крыло души прострелено –
Кровь обAGRит алтарь любви".

1912

Выпуск № 254

Марина Цветаева

Бог согнулся от заботы
И затих.
Вот и улыбнулся, вот и
Много ангелов святых
С лучезарными телами
Сотворил.
Есть с огромными крылами,
А бывают и без крыл.

Оттого и плачу много,
Оттого –
Что влюбила больше Бога
Милых ангелов его.

1916

Анна Ахматова

Путник милый, ты далече,
Но с тобою говорю.
В небесах зажглися свечи
Провожающих зарю.

Путник мой, скорей направо
Обрати свой светлый взор:
Здесь живёт дракон лукавый,
Мой властитель с давних пор.

А в пещере у дракона
Нет пощады, нет закона.
И висит на стенке плеть,
Чтобы песен мне не петь.

И дракон крылатый мучит,
Он меня смиренью учит,
Чтоб забыла дерзкий смех,
Чтобы стала лучше всех.

Путник милый, в город дальний
Унеси мои слова,
Чтобы сделался печальней
Тот, кем я ещё жива.

1921

Лариса Миллер

Чем оказался Божий дар?
 Содомом.
И белой вишней, что цветёт
 за домом,
И белой вишней и метельным
 садом,
И вешним ветром и смертельным
 ядом,
Что растворён в любой из чаш,
 и каждый

Её допьёт, томимый вечной
жаждой.

1998

Выпуск № 673

Арсений Тарковский

Бессонница

Мебель трескается по ночам.
Где-то каплет из водопровода.
От вседневного груза плечам
В эту пору даётся свобода,
В эту пору даются вещам
Бессловесные души людские,
И слепые,
 немые,
 глухие
Разбредаются по этажам.
В эту пору часы городские
Шлют секунды
 туда
 и сюда,
И плетутся хромые,
 кривые,
Подымаются в лифте живые,
Неживые
 и полуживые,
Ждут в потёмках, где каплет вода,
Вынимают из сумок стаканы
И приплясывают, как цыганы,
За дверями стоят, как беда,
Свёрла медленно вводят в затворы
И сейчас оборвут провода.
Но скорее они – кредиторы,
И пришли навсегда, навсегда,
И счета принесли.

Невозможно
Воду в ступе, не спавши, толочь,

Невозможно заснуть, – так
тревожна
Для покоя нам данная ночь.

1958

Лариса Патракова

Когда мой сон, как старый ствол, иссушен,
К утру лишился силы и тепла,
Когда оледенела гладь подушек,
А ночь водою мутной утекла,
Оставив утру все противоречья
И страх того, что будет впереди,
Как тяжело дню подставить снова плечи,
Толкнуть себя и приказать: «Иди!»

Мария Петровых

Что толковать! Остался краткий срок,
Но как бы ни был он обидно краток,
Отчаянье пошло мне, видно, впрок
И не растрочу дней моих остаток.

Я понимаю, что кругом в долгу
Пред самым давним и пред самым новым,
И будь я проклята, когда солгу
Хотя бы раз, хотя б единым словом.

Нет, если я смогу преодолеть
Молчание, пока ещё не поздно, –
Не будет слово ни чадить, ни тлеть, –
Костёр, пылающий в ночи морозной.

1967

Выпуск № 625

Алексей Толстой

Он водил по струнам; упали
Волоса на безумные очи,
Звуки скрипки так дивно звучали,
Разливаясь в безмолвии ночи.
В них рассказ убедительно-лживый
Развивал невозможную повесть,
И змеиного цвета отливы
Соблазняли и мучили совесть;
Обвиняющий слышался голос,
И рыдали в ответ оправданья,
И бессильная воля боролась
С возрастающей бурей желанья,
И в туманных волнах рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземные слова раздавались
И манили назад с укоризной,
И так билось сердце тревожно,
Так ему становилось понятно
Всё блаженство, что было возможно
И потеряно так невозвратно,
И к себе беспощадная бездна
Свою жертву, казалось, тянула,
А стезёю лазурной и звездной
Уж полнеба луна обогнула;
Звуки пели, дрожали так звонко,
Замирали и пели сначала,
Беглым пламенем синяя жженка
Музыканта лицо освещала...

1857

Наталья Крандиевская

Не окрылить крылом плеча мне правого,
Когда на левом волочу грехи.
О, Господи, – я знаю, от лукавого
И голод мой, и жажда, и стихи.

Не ангелом-хранителем хранима я, —
Мечта-кликуша за руку ведёт,
И купина Твоя неопалимая
Не для меня пылает и цветёт.

Кто говорил об упоеньи вымысла?
Благословлял поэзии дары?
Ах, ни одна душа ещё не вынесла
Бесследно этой дьявольской игры!

1921

Выпуск № 1214

Бахыт Кенжеев

В блокноте, начатом едва,
роются юркие слова,
что муравьи голодным комом
у толстой гусеницы. Знать,
ей мотыльком уже не стать,
погибшей деве насекомой.

Хорош ли образ мой, Эраст?
Кусают, кто во что горазд,
друг другу ползают по спинам.
Осилят в несколько минут
и, напрягаясь, волокут
на корм личинкам муравьиным.

Бытует в Африке молва —
кто поедает сердце льва,
наследует его отваге.
Но до сих пор не видел я
ни мотылька из муравья,
ни слов, взлетающих с бумаги.

Искусство — уверяют — щель
в мир восхитительных вещей,
что не постичь рассудком чистым.
Я в этой области эксперт,
пускай зовёт меня Лаэрт
неисправимым пессимистом.

Жар творчества и жар печной –
вот близнецы, мой друг родной.
Воспламеняясь повсеместно,
из жизни мёртвое сырьё
творяют, чтоб превратить её
в паёк духовный и телесный.

Арсений Тарковский

из цикла «Пушкинские эпиграфы»

Что тревожишь ты меня,
Что ты значишь...

*Стихи, сочинённые ночью
во время бессонницы*

Разобрал головоломку –
Не могу её сложить.
Подскажи хоть ты потомку,
Как на свете надо жить –

Ради неба или ради
Хлеба и тщеты земной,
Ради сказанных в тетради
Слов идущему за мной?

Под окном – река забвенья,
Испарения болот.
Хмель чужого поколенья
И тревожит, и влечёт.

Я кричу, а он не слышит,
Жжет свечу до бела дня,
Будто мне в ответ он пишет:
«Что тревожишь ты меня?»

Я не стою ни полслова
Из его черновика.
Что ни слово – для другого,
Через годы и века.

Боже правый, неужели
Вслед за ним пройду и я
В жизнь из жизни мимо цели,
Мимо смысла бытия?

1976

Выпуск № 189

Марина Цветаева

Я счастлива жить образцово и просто:
Как солнце – как маятник – как календарь.
Быть светской пустынною стройного роста,
Премудрой – как всякая Божия тварь.

Знать: Дух – мой сподвижник, и Дух – мой вожатый!
Входить без доклада, как луч и как взгляд.
Жить так, как пишу: образцово и сжато, –
Как Бог повелел и друзья не велят.

1919

Анна Ахматова

Надпись на поэме «Триптих»

И ты ко мне вернулась знаменитой,
Тёмно-зелёной веточкой повитой,
Изящна, равнодушна и горда...
Я не такой тебя когда-то знала,
И я не для того тебя спасала
Из месива кровавого тогда.
Не буду я делить с тобой удачу,
Я не ликую над тобой, а плачу,
И ты прекрасно знаешь почему.
И ночь идёт, и сил осталось мало.
Спаси ж меня, как я тебя спасала,
И не пускай в клокочущую тьму.

1944

Выпуск № 387

Анна Ахматова

В. К. Шилейко

Как мог ты, сильный и свободный,
Забуть у ласковых колен,
Что грех карают первородный
Уничтожение и тлен.

Зачем ты дал ей на забаву
Всю тайну чудотворных дней,
Она твою развеет славу
Рукою хищною своей.

Стыдись, и творческой печали
Не у земной жены моли.
Таких в монастыри ссылали
И на кострах высоких жгли.

1922

Марина Цветаева

И не спасут ни стансы, ни созвездья.
А это называется – возмездье
За то, что каждый раз,

Стан разгибая над строкой упорной,
Искала я над лбом своим просторным
Звёзд только, а не глаз.

Что самодержцем Вас признав на веру,
– Ах, ни единый миг, прекрасный Эрос,
Без Вас мне не был пуст!

Что по ночам, в торжественных туманах,
Искала я у нежных уст румяных –
Рифм только, а не уст.

Возмездие за то, что злейшим судьям
Была – как снег, что здесь, под левой грудью –
Вечный апофеоз!

Что с глазу на глаз с молодым Востоком
Искала я на лбу своём высоком
Зорь только, а не роз!

1920

Выпуск № 145

Иван Бунин

Кадилаьница

В горах Сицилии, в монастыре забытом,
По храму тёмному, по выщербленным плитам,
В разрушенный алтарь пастух меня привёл,
И увидал я там: стоит нагой престол,
А перед ним, в пыли, могильно-золотая,
Давно потухшая, давным-давно пустая,
Лежит кадилаьница – вся чёрная внутри
От угля и смолы, пылавших в ней когда-то...

Ты, сердце, полное огня и аромата,
Не забывай о ней. До черноты сгори.

1916

Арсений Тарковский

Пускай меня простит Винсент Ван-Гог
За то, что я помочь ему не мог,

За то, что я травы ему под ноги
Не постелил на выжженной дороге,

За то, что я не развязал шнурков
Его крестьянских пыльных башмаков,

За то, что в зной не дал ему напиться,
Не помешал в больнице застрелиться.

Стою себе, а надо мной навис
Закрученный, как пламя, кипарис,

Лимонный крон и тёмно-голубое, –
Без них не стал бы я самим собою;

Унизил бы я собственную речь,
Когда б чужую ношу сбросил с плеч.

А эта грубость ангела, с какою
Он свой мазок роднит с моей строкою,

Ведёт и вас через его зрачок
Туда, где дышит звёздами Ван-Гог.

1958

Мария Петровых

Подумай, разве в этом дело,
Что ты судьбы не одолела,
Не воплотилась до конца,
Иль будто и не воплотилась,
Звездой падучею скатилась,
Пропав без вести, без венца?
Не верь, что ты в служеньи щедром
Развевалась, как пыль под ветром.
Не пыль – цветочная пыльца!

Не зря, не даром всё прошло.
Не зря, не даром ты сгорела,
Коль сердца твоего тепло
Чужую боль превозмогло,
Чужое сердце отогрело.
Вообрази – тебя уж нет,
Как бы и вовсе не бывало,
Но светится твой тайный след
В иных сердцах... Иль это мало –
В живых сердцах оставить свет?

1967

Выпуск № 1275

Георгий Адамович

Нет, ты не говори: поэзия – мечта,
Где мысль ленивая игрой перевита,

И где пленяет нас и дышит лёгкий гений
Быстротекущих снов и нежных утешений.

Нет, долго думай ты и долго ты живи,
Плач, и земную грусть, и отблески любви,

Дни хмурые, утра, тяжелое похмелье –
Всё в сердце береги, как медленное зелье,

И может, к старости тебе настанет срок
Пять-шесть произнести как бы случайных строк,

Чтоб их в полубреду потом твердил влюблённый,
Растерянно шептал на казнь приговорённый,

И чтобы музыкой глухой они прошли
По странам и морям тоскующей земли.

Александр Блок

Балаган

Ну, старая кляча, пойдём
ломать своего Шекспира!

Кин

Над чёрной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, покряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.

Лицо дневное Арлекина
Ещё бледней, чем лик Пьеро.
И в угол прячет Коломбина
Лохмотья, сшитые пестро...

Тащитесь, траурные клячи!
Актёры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!

В тайник души проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.

1906

Выпуск № 1131

Арсений Тарковский

Сократ

Я не хочу ни власти над людьми,
Ни почестей, ни войн победоносных.
Пусть я застыну, как смола на соснах,
Но я не царь, я из другой семьи.

Дано и вам, мою цикуту пьющим,
Пригубить немоту и глухоту.
Мне рубище раба не по хребту,
Я не один, но мы ещё в грядущем.

Я плоть от вашей плоти, высота
Всех гор земных и глубина морская.
Как раковину мир переполняя,
Шумит по-олимпийски пустота.

1959

Бахыт Кенжеев

Мудрец и ветреник, молчальник и певец,
всё – человек, смеющийся спросонок,
для Бога – первенец, для ангелов – птенец,
для Богородицы – подброшенный ребёнок.

Ещё звезда его в черешневом вине –
а он уже бежит от гибели трехглавой
и раковинной спит на океанском дне –
не злясь, не торопясь, не мудрствуя лукаво,

один, или среди шального косяка
плоскоголовых рыб, лишённых языка,
о чём мечтаешь ты, от холода немея,
не помня прошлого и смерти не имея?

Есть в каждой лестнице последняя ступень,
есть добродетели: прощенье, простодушие,
и флейта лестная, продольная, как день,
племянница полей и дудочки пастушьей.

Легко ей созывать растерянных мирян –
на звуковой волне верша свою работу,
покуда воздух густ, и сумрачным морям
не возмутить в крови кессонного азота.

Выпуск № 1345

Марина Цветаева

из цикла «Стихи к Ахматовой»

Златоустой Анне – всея Руси
Искупительному глаголу, –
Ветер, голос мой донеси
И вот этот мой вздох тяжелый.

Расскажи, сгорающий небосклон,
Про глаза, что черны от боли,
И про тихий земной поклон
Посреди золотого поля.

Ты, зеленоводный лесной ручей,
Расскажи, как сегодня ночью
Я взглянула в тебя – и чей
Лик узрела в тебе воочью.

Ты в грозовой выси
Обретённый вновь!
Ты! – Безымянный!
Донеси любовь мою
Златоустой Анне – всяя Руси!

Ты, срывающая покров
С катафалков и с колыбелей,
Разъярительница ветров,
Насылательница метелей,

Лихорадок, стихов и войн,
– Чернокнижница! – Крепостница! –
Я слышала грозный вой
Львов, вещающих колесницу.

Слышу страстные голоса –
И один, что молчит упорно.
Вижу красные паруса –
И один – между ними – чёрный.

Океаном ли правишь путь,
Или воздухом – всею грудью
Жду, как солнцу, подставив грудь
Смертоносному правосудью.

1916

Анна Ахматова

Поздний ответ

*М. Цветаевой
Белорученька моя, чернокнижница...*

Невидимка, двойник, пересмешник,
Что ты прячешься в чёрных кустах,
То забьёшься в дырявый скворечник,
То мелькнёшь на погибших крестах,
То кричишь из Маринкиной башни:
"Я сегодня вернулась домой.

Полюбуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной.
Поглотила любимых пучина,
И разрушен родительский дом".
Мы с тобою сегодня, Марина,
По столице полночной идём,
А за нами таких миллионы,
И безмолвнее шествия нет,
А вокруг погребальные звоны,
Да московские дикие стоны
Вьюги, наш заметающей след.

1940

Выпуск № 1283

Арсений Тарковский

Книга травы

О нет, я не город с кремлём над рекой,
Я разве что герб городской.

Не герб городской, а звезда над щитком
На этом гербе городском.

Не гостя небесная в черни воды,
Я разве что имя звезды.

Не голос, не платье на том берегу,
Я только светиться могу.

Не луч световой у тебя за спиной,
Я – дом, разорённый войной.

Не дом на высоком валу крепостном,
Я – память о доме твоём.

Не друг твой, судьбою ниспосланный друг,
Я – выстрела дальнего звук.

В приморскую степь я тебя уведу,
На влажную землю паду,

И стану я книгой младенческих трав,
К родимому лону припав.

1945

Бахыт Кенжеев

Памяти Арсения Тарковского

1

Пощадили камни тебя, пророк,
в ассирийский век на святой Руси,
защитили тысячи мёртвых строк –
перевод с кайсацкого на фарси –

фронтовик, сверчок на своём шестке
золотом поющий что было сил –
в невозможной юности, вдалеке,
если б знал ты, как я тебя любил,

если б ведал, как я тебя читал –
и по книжкам тощим, и наизусть,
по Москве, по гиблым её местам,
а теперь молчу, перечечь боюсь.

Царь хромой в изгнании. Беглый раб,
утолявший жажду из тайных рек,
на какой ночёвке ты так озяб,
уязвлённый, сумрачный человек?

Остановлен ветер. Кувшин с водой
разбивался медленно, в такт стихам.
И за кадром голос немолодой
оскорблённым временем полыхал.

2

Поезда разминутся ночные,
замычит попрошайка немой –

пролети по беспутной России –
за сто лет не вернёшься домой.

От военных, свинцовых гостинцев
разрыдаешься, зубы сожмёшь, –
знать, Державину из разночинцев
не натянуть казённых галош...

Что гремит в золотой табакерке?
Музыкальный посёлок, дружок.
Кто нам жизнь (и за что?) исковеркал,
неурочную душу поджег?

Спи без снов, незадачливый гений,
с опозданием спи, навсегда.
Над макетом библейских владений
равнодушная всходит звезда.

Книги собраны. Пусто в прихожей.
Только зеркало. Только одна
участь. Только морозом по коже –
по любви. И на все времена.

Выпуск № 1405

Арсений Тарковский

Словарь

Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть её, и до листвы моей
Доходят жилы влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.

Есть высоты властительная тяга,
И потому бессмертен я, пока
Течёт по жилам – боль моя и благо –
Ключей подземных ледяная влага,
Все *эр* и *эль* святого языка.

Я призван к жизни кровью всех рождений
И всех смертей, я жил во времена,

Когда народа безымянный гений
Немую плоть предметов и явлений
Одушевлял, даруя имена.

Его словарь открыт во всю страницу,
От облаков до глубины земной.
– Разумной речи научить синицу
И лист единый заронить в криницу,
Зелёный, рдяный, ржавый, золотой...

1963

Бахыт Кенжеев

Каждому веку нужен родной язык,
каждому сердцу, дереву и ножу
нужен родной язык чистоты слезы –
так я скажу и слово своё сдержу.

Так я скажу и молча, босой, пройду
неплодородной, облачную страной,
чтобы вменить в вину своему труду
ставший громоздким камнем язык родной.

С улицы инвалид ухом к стеклу приник.
Всякому горлу больно, всякий слезится глаз,
если ветшает век, и его родник
пересыхает, не утешая нас.

Камни сотрут подошву, молодость отберут,
чтоб из воды поющий тростник возрос,
чтобы под старость мог оправдать свой труд
неутолимым кружевом камнетёс.

Что ж – отдирая корку со сжатых губ,
превозмогая ложь, и в ушах нарыв,
каждому небу – если уж век не люб –
проговорись, забытое повторив

на языке родном, потому что вновь
в каждом живом предутренний сон глубок,

чтобы сливались ненависть и любовь
в узком твоём зрачке в золотой клубок.